

От своей судьбы не уйдешь

Ольга Осиповна Садовская родилась в Москве в 1849 году, скончалась в Москве в 1919-м. Жития ей было семьдесят лет. Эта память нынешнего, 1999 года, неотъемлема от большого юбилея Малого театра. Театру – 175! Его великой актрисе – 150!

Множатся юбилеи великих людей, великих открытий, великих событий, великих городов, великих строек-перестроек от Рима Первого до Рима Третьего. Юбилеи сопровождаются фестивалями, уже наступает череда юбилеев прошедших фестивалей. У Ольги Осиповны – день рождения. Жизнь ее легендарно-блистательна в истории театра, жизнь ее проста, типична (употребим это всем наскучившее, но необходимое слово) для русской женщины. «Верная супруга и добродетельная мать». Столь же добродетельная невестка, бабушка-прабабушка прекрасного потомства. Семья-династия, верная своей обязывающей фамилии. Корни ее – в провинциальном российском актерстве, из которого выбыл и которое прославил Пров Михайлович, театральный соратник Островского. Именно соратник, ибо бои вокруг пьес, воззрений, героев Островского происходили яростные. Сын Прова Михайловича Михаил, жена его Ольга Осиповна – поколение следующее, продолжившее дело драматурга-актера, Островского – Садовского. Продолжило открытие прошлого России и настоящего России, общность и неповторимость судеб человеческих, власть законов, среды, сословия – и поиски свободы в этой среде, в этом сословии. Варианты мужских судеб – у Михаила Провыча. Женские судьбы – удел Ольги Осиповны. Не в героине (то – для Федотовой, для Ермоловой), но в очертаниях быта, повседневности, прорастающих в эпос, в поток, идущий из прошлого в неведомое будущее. Их театр вырос из их жизни, соединенной с днем рождения (Михаил на два года старше Ольги). Семьи жили в одном доме, дети играли на одном дворе, на одной улице, вернее – в переулке. Сергиевский переулок был тих, в то же время насыщен горестями-радостями небогатых его обитателей. Переулок круто спускается к «трубе» – нынешнему Цветному бульвару, в нем трава растет между бульбжников, в палисадниках-двориках цветут мальвы, «золотые шары».

Днем в переулке тихо – мелкие чиновники давно на службе, мастеровые при своем деле, женщины хлопочут по хозяйству, дети играют в то, что видят, играют-поют слышанное от матерей, от нянек. Голоса этих детей звонки, слух абсолютен, унаследован, – драматический актер Пров Михайлович знает наизусть как старинные итальянские, так и молодые русские оперы, отец Ольги – «теноральный баритон» Осип Лазарев, которому доводится петь и в опере, и в драматических спектаклях единой московской императорской труппы. Арии и хоры театральные, пение церковное, домашние посиделки – у кого с фортепьяно, у кого с гармоной, у всех почти – с гитарой, романсы, старинные песни – все сливается естественно, все сохраняется, когда Мишу отдают в гимназию, Ольгу же – в пансион, где обучают русской грамматике, французскому языку, танцам, манерам. Там девочка научилась «держаться спинку», делать прическу, – с грамматикой же сложились свои отношения. До конца жизни будет она писать не по правилам, по слуху, чувствуя, когда надо ставить «е», когда – «ять». Вопросу, как различать оттенки, удивилась: «Слышится, голубчик, иначе».

«Мы с женой половинки» – скажет Михаил Провыч, вспоминая совместный дебют в пьесе Островского. Садовскому-младшему – двадцать, Ольге Лазаревой – восемнадцать. «В чужом пиру похмелье» – он играет Андрюшу Брускова, непутево-наивного сына купеческого. Актриса, играющая его матушку, заболела и в роли ее выходит восемнадцатилетняя Ольга, подгримированная, накинувшая на плечи шаль. Выходит на сцену со словами: «От своей судьбы не уйдешь. Что кому суждено, так тому и быть».

Вскоре судьба определилась. Ольга Лазарева стала Ольгой Садовской, родила семерых детей, сочтала репетиции, спектакли, все новые-новые роли с ведением хозяйства в новом доме в Мамонов-

ском переулке, что за Глазной больницей. (В переулке, до недавнего времени носившем имя Садовских). Дети, воспитанницы, которых обучают, пристраивают, хозяйство ведется одновременно расчетливо (с деньгами туго) и щедро: застолья актерские, родственные сборища в зале, где молодежь танцует старинные польки, новые вальсы, – аккомпанирует сама Ольга Осиповна...

Ее героини – словно ожившие эскизы Сурикова (нищенка, сострадательно глядящая вслед Морозовой – прямая старуха Садовской), персонажи «Сватовства майора» Федотовского, жанровых картин Перова-Крамского, с литографий, изображающих «московские типы».

Сначала она входила в спектакли Островского на роли, написанные для актрис-предшественниц, потом Островский стал писать роли для нее – актрису Негину для Ермоловой, Домну Пантелевну – для Садовской, актрису Отрадину-Кручинину для Ермоловой, нищую старуху Галчиху, по-нашему «бомжиху» – для Садовской.

Роли ей, Михаилу Провычу, их детям – приносили уже переписанными, из театральной конторы, работавшей налаженно-четко. Роли репетировались-проживались в театре, дома, в ближней дороге в Мамоновский или в дальней дороге на Башиловскую дачу, тогда – дачную окраину за Петровским парком. На эту дачу, поблизости от знаменитого «Яра» приезжали шумною толпою не цыгане (те пели у «Яра» и жили рядом как мирные соседи), но выросшие дети с друзьями, с Шаляпиным, Собиновым, с их спутниками. Щедро пели все, в том числе Ольга Осиповна, Шаляпин также смотрел-наблюдал драматических актеров, как позднее будет его в опере наблюдать-учиться Станиславский. «Я с жадностью высматривал, как ведут свои роли... – дальше Шаляпин перечисляет корифеев Москвы-Петербурга. Кончая перечень: «архигениальнейшая Ольга Осиповна Садовская». Неожиданно ставит рядом с нею Элеонору Дузе, самую пленительную актрису тогдашнего мира. Трагические героини Дузе, от шекспировских до дамы с камелиями – и «комическая старуха»? Но продолжим вместе с Шаляпиным размышления, так соответствующие названию его книги: «Маска и душа». Если Элеонора Дузе на сцене почти никогда не была актрисой, а тем именно лицом, которое она изображала, то Ольга Садовская, кажется мне, в этом смысле была еще значительнее... Садовская раздала меня один раз на всю жизнь».

Возьмите книгу Шаляпина: недавний запретная, она есть сегодня в любой библиотеке. Прочтите ее впервые или перечитайте все, в том числе диалоги Федора-Ольги, Шаляпина-Садовской:

– И как это вы, Ольга Осиповна, – робко спросил я ее раз, – можете так играть?

– А я не играю, милый мой Федор.

– Да как же не играете?

– Да так. Вот я выхожу, да и говорю. Так же я и дома разговариваю...

– Да, но ведь, Ольга Осиповна, все же это сваха... Теперь и свах-то таких нет...

– Да ведь, батюшка мой, жизнь-то наша всегда одинаковая. Ну, нет теперь таких свах, так другие есть. Так и другая будет разговаривать, как она должна разговаривать. Ведь язык-то наш русский богатый. Ведь на нем всякая сваха хорошо умеет говорить. А какая сваха – это уж, батюшка, как хочет автор. Автора надо уважать и изображать того уж, кого он захочет.

Не ученый трактат с учеными словами, вроде «концепция»? Не интервью «Мой творческий метод». Са-

мые простые слова, определяющие и то, что мы снисходительно называем бытом, и то, что обозначаем как «жизнь в искусстве». Основные принципы Малого театра, изложенные этими простейшими словами. Потому сегодняшней юбилей Ольги Осиповны сливается с сегодняшним юбилеем ее театра на Театральной площади, которая обжита Садовскими, как дом в Мамоновском.

Актриса-автор, Садовская-Островский уважают-любят друг друга. Его давно нет на свете, она играет его свах перед старыми и молодыми ткачихами вчерашней прохоровской, ныне – государственной фабрики, перед рабочими вчерашнего «Гужона». С первой фразы – общее дыхание, полное сопричастие зала-сцены. «И в жизни так...» В то же время, – тут и Шаляпин прибегает к ученому слову: на сцене существует не отражение, но претворение жизни, квинтэссенция этой свахи свах, мещанки мещанок, приживалки приживалок.

В молодости она переиграла множество водевилей, сенок; плясала в них, одновременно напевая куплеты. В расцвете своем играет «Власть тьмы» отравительницу Матрену, которая шла на убийство с тою же спокойной деловитостью, с какой кухарка «Плодов просвещения» варила постные щи. Неизбывная радость льется со сцены, когда выходит Садовская, неизбывная горечь льется со сцены, когда выходит Садовская. Для нее Островский написал во второй редакции «Воеводы» роли мамки Недвижки, сказывающей сказки-присказки и старухи-крестьянки, которая напевает колыбельную внуку в щелястой избе: «Нас Бог забыл, царь не милует, люди бросили, людям отдали».

Семнадцатый век? Или деревня где-то на волжском обрыве в конце двадцатого? Правда, нынешней старухе положена пенсия, но – когда-то она придет, когда же в России «изживем беду, пронесет грозу».

Разгар Первой мировой. В Малом идет патристическая одноактная пьеса Сергея Саввича Мамонтова «Неприятель». Изба, старуха, люлька, молодая невестка, сын воюет где-то. В избу влихивают пленника, неприятеля, как водится – изрядно избитого и напуганного. Вроде спят хозяйки, ребенок, пленник. И выпускает молодуха злосчастного неприятеля, предварительного его накормив, наглобучивает его иноземный кивер. Слышится с лавки голос старухи: Шапку ему дай Петрухину, что за сундуком валяется, а то в этом кивере его сейчас заберут». По окончании спектакля Ольга Осиповна обходит зал, с большим блюдом в руках, в сопровождении внука в «кусащей матроске». Блюдо тяжелеет – все кидают деньги в пользу раненых, роняют под кресла мокрые новые платки. Спектакль идет в 1916 году, время действия – 1812-й. Ермолова читает с эстрады стихи о растерзанной фронтовице Бельгии: «И как набат звучат колокола, колокола старинного Малина». Малин – в Бельгии, в Москве плывет малиновый звон сорока сороков, Ольга Осиповна то на эстраде, то в госпитале, в очередь с Ермоловой читает-повествует судьбу вечно своей старухи: «шестерых, моя родимая, всех забрала шестерых». На первую мировую? На вторую Отечественную? На нынешнюю кавказскую? Хотя сегодня всех не забирают. Слова «гуманизм», «гуманность» в полном ходу. А сама жизнь всегда одинакова.

Жизнь Ольги Осиповны кончилась в том же доме в Мамоновском, на том же Пятницком кладбище, вблизи храма с возрожденными службами, крестинами, венчаниями, панихидами. О ней самой, о безвре-

менной кончине, о судьбе заброшенного дома много писали тогда, в девятнадцатом, в позднейших ежегодниках Малого театра, в воспоминаниях. Сразу по выходе разошлась книга внука «Мишечки», Михаила Михайловича Садовского, служившего в семейном Малом, игравшего Армана Дюваля в мейерхольдовской «Даме с камелиями», очередь с другим Михаилом – Царевым.

Потом Садовский, как Царев, вернется в Малый от Мейерхольда, к ним примкнет Игорь Ильинский, и его Аркашка станет прогуливаться и соблазнять ключницу столь же непринужденно, как на мейерхольдовской дороге-мостике. Об этом и соберет свою книжку внук. Бабушка оставила ему, сегодняшнему, в наследство свое уважение к автору, свое слово, неисчерпаемое, потому что все говорят по-разному. Приняла бы она сегодняшние возможности света-цвета, предложения не только режиссера, но совершенно уж ей неизвестного сценариста? Или сказала бы им, как говорила: «Это вам, батюшка, не Художественный театр», и села бы лицом ко всему залу – говорить слова грибоевские, тургеневские, островские. В истории своего театра Садовские останутся навсегда. И в истории своей страны, своей культуры. В архивах открываются все новые подробности общетеатральной жизни и жизни семьи Садовских. Семьи, в которой сочетались крайности русского характера, его выплески, противоречия, «загадки русского души». Михаил Провыч – семью, детей своих обожающий, дни перед спектаклем, вечера после спектакля проводит не в своем тишайшем кабинете – в ресторане, в «Эрмитаже», где с благоговением относятся к его столику, над которым даже табличку повесили – Место Михаила Провыча. Его острейшие, иногда не вполне пристойные эпиграммы, экспромты ходят по Москве, ему приписываются и стихотворные похождения некоего Луки, всегда гулявшие в списках. Это все отразилось, преобразилось в пьесах Островского, в спектаклях Островского, и продолжается в том лучшем, что происходит сегодня в «Щепке», то есть в бывшем императорском театральном училище, что происходит в самом театре. В нем полно противоречий, столкновений, соперничества, недовольства дирекцией, репертуаром, собою. Но не разламывается, не делится Малый театр, не отрицает наименования – театр традиционный. Малому нельзя быть другим, слишком многое утверждено, проверено временем, проверено зрителем многих поколений. От этого, главного, нельзя отступать.

В начале восьмидесятых годов, собирая материалы для книги о семье-династии Садовских, мне не посчастливилось застать многих свидетелей, участников тех времен, которые сегодня кажутся отстоящими в дальней дали. Помогала и своя живая память с довоенных лет, и, конечно, щедрая память гнезда Садовских внуков-внучек, был ли то последний Пров Провыч, игравший в Малом, завоевавший его талантливой, а значит очень непростой труппой. Будь то внуки Ольги Осиповны – балерины Большого театра, правнук, соединивший чуткость к звуку-слову Садовских и Кондрашиных, другая правнучка – художница, все пишущая окрестности Щелыкова-Островского. Разные, живые дома, разные житейские проблемы – и общность памяти, пра-памяти. В этом собирательстве поразил несправедливо забытый отзыв Горького на несправедливо забытый рассказ Михаила Провыча Садовского. Рассказов о Москве, о ее людях маленьких и больших, о тех, среди которых жил, которых играл сам, среди которых жила, старух играла архигениальнейшая Ольга Осиповна. В девятнадцатом году, в год кончины Ольги Осиповны, Горький, воинствующий разрушитель старого мира, написал: «Чем больше мы будем друг друга знать, тем больше, может быть, простим друг друга». Знать. Простить. Ты жив, Малый театр. Там живы его Садовские.

Елена ПОЛЯКОВА

Эпиграм и эссе...

1999 года

– июль-авг. – с. 15

15 страница